

УКРАИНСКИЙ NATION-BUILDING: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Александр Фисун,
доктор политических наук,
зам. директора по научной работе Регионального филиала
Национального института стратегических исследований в г. Харькове

РЕСПУБЛИКА РАДИ ОБЩЕГО БУДУЩЕГО: ДИЛЕММЫ УКРАИНСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ТРАНЗИТА*

Введение

Проблема конституционного транзита в Украине ставит перед нами ряд фундаментальных теоретических и практических вопросов, ждущих своего разрешения. Какое общество мы стремимся построить? К какому виду демократии мы стремимся, и вообще, что мы имеем в виду, когда употребляем такие понятия, как «демократия», «нация», «конституционное государство»? Ведь каждое из них не только отличается многозначностью [1], но и связью с непосредственным историческим контекстом своего возникновения, который мы очень часто упускаем, пытаясь найти их некое объективное содержание и субстанциональную сущность.

Между тем, каждое из этих понятий являлось своеобразным историческим экспериментом по разрешению кардинальных конфликтов своего времени и каждое предлагало своеобразную модель деполитизации существующих социальных размежеваний и расколов (сословных, религиозных, классовых, геополитических). В этом смысле, каждое из них в момент своего исторического возникновения (я сейчас говорю о европейской истории Нового времени) выступало альтернативой внутренним гражданским войнам и предлагало определенное видение совместного будущего. В известном смысле изначальный вестфальский проект территориальных государств был попыткой примирения острых религиозных противоречий, потом в XIX в. – примирения социально-классовых противоречий в рамках единого проекта нации, где на второй план отходят классовые, религиозные и региональные противоположности. «Демократия», «нация», «конституционное государство» стали порождением изнурительных раундов конфликта и противостояния, приводя-

* Данная статья является расширенным и переработанным вариантом доклада на круглом столе «Конституционный транзит в Украине: модели, алгоритмы и перспективы», организованного Ассоциацией политологов Слобожанщины, РФ НИСИ в г. Харькове и кафедрой политологии философского ф-та ХНУ имени В.Н. Каразина 19 ноября 2010 г.

щих к состоянию пата (и уничтожению до 1/3 европейского населения), в рамках которого перед страхом взаимного уничтожения происходило переопределение политики, т.е. принципов учреждения сообщества, а также политики включения/исключения и проведения границ. Вспомним в этой связи парадоксальный тезис С. Хантингтона о том, что «способность элит к компромиссу образует возможность демократии, а склонность элит к мщению создает ее необходимость для самой элиты» (Huntington 1984: 212), указывающий на то, что демократия в действительности это не только метод определения победителей (как предполагается экономической концепцией демократии), но и в первую очередь предоставление гарантий «неисключения» проигравшим. Еще в большей степени это относится к понятию «нация» и «конституционное государство». В более широком смысле, если использовать язык теории социального выбора, они стали примером игры с ненулевой суммой, в которой выигрывают все участники, а издержки нарушения (или выхода) были несопоставимы с совокупным благом, получаемым каждым.

Между тем, давайте посмотрим, каким образом, и с помощью каких концептуальных конструкторов мы пытаемся осмыслить противоречия и динамику развития как украинского, так и некоторых других постсоветских обществ? Доминирующей тенденцией их анализа является традиционная дихотомия «демократии и авторитаризма», приводящей исследователей к существенным концептуальным натяжкам, а то и теоретическим оксюморонам, свидетельствующим о том, что данные конструкторы не могут быть адекватным ключом к их разгадке. Схоластический поиск борьбы демократических и антидемократических начал, столкновения «хороших» и «плохих» политических сил, «демократов» и «недемократов» давно уже не приближает нас к постижению того общества, в котором мы живем, как и не способствует пониманию реального смысла политической борьбы, динамики элитного противостояния или тенденций политико-режимного развития постсоветских обществ вообще, и украинского, в частности. Спор о том, кто является демократом, а кто нет, заводит политическую науку в тупик, т.к. накладываются схемы, которые, по моему мнению, просто «не работают» в условиях украинской действительности.

Данные обстоятельства резко повышают необходимость поиска иных, более адекватных ракурсов анализа политического развития и демократизации, связанных, в частности, с достижениями неовеберианской школы политического анализа, которая достаточно успешно переосмыслила наследие политических и социальных наук второй половины XX столетия. Одним из путей заполнения теоретических лакун и разработки новых направлений изучения демократизации может выступать дихотомия «демократии и неопатримониализма» (открытого конкурентного доступа или частного присвоения публично-политической сферы), которая всегда – в явном или скрытом виде – являлась одной из основных проблемных тем как политической теории, так и сравнительной политологии [2].

Imperium versus dominium

Для осмысления данных различий и поиска адекватной теоретической рамки анализа также очень многое может сделать теория исторического неинституциона-

лизма, которая фокусирует внимание на исторических *последовательностях* изменений, принципиальных исторических «развилках» траекторий социально-политического развития, факторах, которые влияют на этот выбор. Дело в том, что та или иная траектория становления национальных государств, последовательность процессов бюрократизации, демократизации, индустриализации в значительной степени предопределяет формирование той или иной конкретно-исторической модели взаимоотношений гражданского общества и государства. Здесь можно выделить общества, в которых рациональная бюрократизация предшествовала процессам демократизации, и общества, в которых бюрократизация и рационализация осуществляется после процесса демократизации. В первом случае возникает стабильная партийно-парламентская система, в которой партии выступают формальными каналами артикуляции интересов граждан, во втором случае вместо партий возникают политические институты скорее неформального типа, основывающиеся на патронаже и клиентарном «обмене лояльностью и расположением».

С точки зрения исторической последовательности развития мы имеем **инверсионную** логику украинского политического транзита, и одним из элементов этой инверсионной логики является то, что институты демократии и, в первую очередь, институты электоральной демократии, у нас начали работать до проведения рационально-бюрократической трансформации государства, до построения аппарата современного государства, которое возникает в период раннего Нового времени на Западе, где уже **после** этого в конце XIX в.–нач. XX в. происходит демократизация бюрократических структур правления и складываются режимы полиархии, предполагающие открытый конкурентный рынок политико-экономических интересов.

Одним из наиболее важных аспектов складывающейся новой модели властных отношений, на основе которой впоследствии стал возможным процесс демократизации, является формирование различия между понятиями власти и владения, которое возникает в древнеримском праве, но которое переосмысливается и реформулируется теоретиками *scientia politica* раннего Нового времени. Власть как совокупность верховных принудительных полномочий (*imperium*) отделяется от господского владения данной территорией как своей частной собственностью (*dominium*). Власть перестает рассматриваться как частная собственность (домен, вотчина) правителя, а владение земельным пространством (территориальный суверенитет) отделяется от власти над людьми. Как пишет Н.В. Устрялов, «казне, как и частным лицам, могут принадлежать участки земли по праву собственности. Но право собственности есть частное право, а господство государства над территорией имеет публично-правовой характер: не *dominium*, а *imperium*, т.е. власть повелевать» (Устрялов 2000: 80-81). В этом смысле понятие *dominium* связывается с управлением государством как своей личной собственностью (*patrimonium*) и противопоставляется политической власти как выражения принципиально иного типа публично-властного (политического) суверенитета. Отделение властных публичных полномочий от частных прав патримониального типа, верховной власти (*imperium*) над территорией от личной сферы патримониального господства (*dominium*) становится важной предпосылкой развития идеи республики, т.е. учре-

ждения политики и построения государства как некоего «общего дела», а не «частного владения» отдельных групп или сегментов общества [3].

По сути, переход к обществу Модерна, который происходил в период XV – XVIII вв., есть сложная трансформация по обобществлению институтов и построению республиканских механизмов, где должность и та или иная институция перестает ассоциироваться с управлением как частной вотчиной, как управлением «частным делом» или «своей собственностью», а начинает рассматриваться как «общее дело». Мне кажется, что этот республиканский элемент, утверждающий понимание политики в качестве «общего блага», является тем вектором, который может указать путь развития Украины на ближайшие 20 лет. Завершение республиканской модернизации государства означает создание дееспособных институтов (*state capacity*) во всех секторах и сегментах жизни, а также превращение политики в инструмент развития всех, а не отдельных корпоративных, сегментных, социальных, региональных и прочих сил общества.

Соответственно, с точки зрения данной сравнительно-исторической перспективы, мы можем наметить контуры *реалистического* понимания логики современного политического развития Украины, которая иначе структурирует динамику политического противоборства – не как борьбы (либеральных) демократов и (авторитарных) недемократов, а как борьбы сторонников и противников республики: с одной стороны, тех кто видит политику как способ извлечения ренты и создания монополий (не только политико-экономических, но и социокультурных) на основе включения «своих» и исключения «чужих», и теми, кто понимает ее как публичный процесс выработки «общего блага», выражаемого формулой «что касается всех, должно быть и одобрено всеми». Тонкость различия двух подходов состоит в различном понимании онтологии политики и смысла свободы/порядка: как (либерального) не-вмешательства в первом случае, и как (республиканского) не-господства во втором. Трагедия «научного либерализма» заключается в том, что «не-вмешательство» при отсутствии республики оборачивается «правом сильнейшего», а реализация публичной власти (*imperium*) замещается односторонним господством, понимаемого как *владение (dominium)*.

Речь идет об политико-экономической революции, подобной тем преобразованиям, которые проходила Европа также в начале Нового времени, когда был поставлен вопрос о правах буржуазного «третьего сословия» и гарантии прав собственности. «Третье сословие» потребовало переформатирования всей архитектуры государства и включения его интересов в структуру функционирования политической системы. Политики позднего Средневековья, которые достигли достаточно высокого уровня экономического развития, провели революцию, которая заключалась в смене политического капитализма новой моделью – рационального капитализма – предполагавшей проекцию принципов свободной конкуренции на политическую сферу. Политическая сфера переучреждалась в качестве общего пространства, которое не может быть колонизировано частными интересами, как и не может быть поставлено на их службу. Одна из нерешенных задач украинского развития как раз и заключается в отказе от модели политического капитализма (*crony capi-*

talism, капитализма родственников и друзей) который строится на идее преференций для секторов, которые получают ренту, и перестройки ее на модель включения всех, которая не предполагает построения иерархической разности «допуска» к ресурсам, привилегиям, иммунитету от закона и т.д.

Парадокс демократии в отсутствии «республики» состоит в том, что *де-юре*, являясь равными, граждане государства оказываются неравными *де-факто*, т.к. они стратифицированы по разным статусным группам, обладающими разными политическим, культурными и экономическими возможностями. В результате государство XXI века фактически является многоукладной системой, где есть тонкий слой продвинутых секторов экономики, огромный сектор экономики эпохи «угля и стали» с соответствующими методами феодально-индустриальной организации не только труда и бизнеса, но и политики, а также области широкого внеэкономического трудового принуждения и даже *де-факто* крепостного и рабовладельческого уклада (как демонстрируют случаи подобные с Лозинским).

Нация-государство или государство-нация?

Существует определенное противоречие, которое фиксируется, например, в политической философии, между универсальными принципами либерализма и концепциями демократии, в частности понятием «народа» и определения границ «демоса». Кто входит в понятие «народа»? Какие критерии устанавливаются для определения границ «народа»? Концепция «республики» не просто предполагает «включающую» (политическую или гражданскую) концепцию нации, но и переосмысливает политические принципы функционирования украинского государства, а также задает новые императивы задачам конституционного реформирования политической системы Украины.

Имеется в виду то, что, возможно, Украина является примером специфического пути построения нации и государства, которая комбинирует черты нации-государства и государства-нации. Речь в данном контексте идет об эвристических возможностях концепции профессора Колумбийского университета А. Степана, который проводит различие между нацией-государством, которая возникает в рамках относительно гомогенных в культурном отношении территорий, и государством-нацией, которое отличается национально-культурным многообразием (Stepan 2008; Stepan, Linz, Yadav 2010) [4]. Различие данных идеальных типов состоит в выборе различных способов построения демократического общества: через культурную гомогенизацию и унитарное государство (совпадение культурной и политической общности) versus признание социокультурного многообразия и отражения гетерогенности в институциональном дизайне политической системы. Классическими примерами наций-государств являются Япония, Португалия, скандинавские государства, к неклассическим случаям государства-нации А. Степан относит, например, Испанию, Индию, Бельгию, Канаду.

Концепция А. Степана и его соавторов поднимает фундаментальные вопросы формирования современных государств и наций, заставляет нас пересмотреть многие устоявшиеся догмы и стимулирует дальнейшие исследования. Дело в том, что

между двумя идеальными полюсами находится большое количество промежуточных по своему социокультурному составу государств, которые формировались из частей различных имперских проектов, рекомбинируя в сложных сочетаниях участки зон ядра, полупериферии и бывшей колониальной периферии, и иногда сразу нескольких из них. Украина также относится к данной группе, так как нынешняя территория государства фактически есть комбинация частей трех различных имперских проектов: российского, австро-венгерского и османского. Что обуславливает выбор или французской унитарной модели построения нации-государства, или мадисонианское экспериментирование с различными институциональными формами (федерализмом, консоциальной демократией, двухпалатностью и т.д.), способствующими демократическому представительству всех социетальных частей политического сообщества?

Современная сравнительная макроисторическая социально-политическая теория приходит к выводу о том, что, хотя выбор определяется сочетанием множества факторов, но едва ли не ключевым является геополитический контекст, прежде всего, условия военно-политической конкуренции в международной системе, которая определяет как конкретные исторические шансы выживания тех или иных политий в данных границах, так и возможности реализации того или иного проекта национальной интеграции [5]. Так, с одной стороны, Франция показывает успех национально-государственной унификации весьма гетерогенной в социокультурном отношении территории (где альтернативными центрами нациостроительства выступали Аквитания, Прованс, Бургундия), в то время как проведение подобной политики в Германии (со стороны, например, Пруссии, Баварии, Австрии) оказалось исторически невозможным и породило, в конечном итоге, иные формы государственности.

В своем небольшом блестящем эссе «Существует ли в действительности Индия» И. Валлерстайн предлагает совершить небольшую мыслительную операцию: вообразите, что в период 1750-1850 гг. Британия колонизировала бы территорию Империи Великих Моголов, назвав ее Хиндустаном, а Франция – южную (преимущественно дравидскую) часть современной Республики Индия, назвав ее Дравидией? «Считали бы мы сегодня после этого, что Мадрас являлся исконной “исторической” частью Индии? Использовали бы мы вообще это слово Индия? – задает вопрос И. Валлерстайн, – Я думаю, что нет. Вместо этого ученые со всего мира, вероятно, строчили бы пухлые тома, доказывающие, что с незапамятных времен Хиндустан и Дравидия были двумя принципиально различными культурами, народами, цивилизациями, нациями или как-то иначе отличались каким-нибудь другим образом». По мнению И. Валлерстайна, то, «случилось в отдаленном прошлом, всегда является следствием того, что произошло в недавнем прошлом. Настоящее определяет прошлое, но никак не наоборот, как пытаются убедить нас существующие логико-дедуктивные аналитические схемы» (Валлерстайн 2006: 3-4) [6]. Иначе говоря, в историческом прошлом всегда существовал целый спектр возможных альтернативных вариантов формирования как современных наций, так и границ современных национальных государств: Аквитания или Бургундия вместо Франции, Иллирия или Дунайская конфедерация

Иллирия или Дунайская конфедерация на Балканах и т.д. Какой бы была политическая карта и «история Европы», если бы геополитические условия способствовали бы успеху Анжуйской империи Генриха II Плантагенета или Бургундского герцогства Карла Смелого? [7].

Кроме того, существует еще одно немаловажное обстоятельство, указывающее на актуальность идеи государства-нации для Украины. Недавние работы М. Манна продемонстрировали фундаментальную взаимосвязь унифицирующего «французского» проекта гомогенной нации (и демократии как ее политического выражения) с этническими чистками и геноцидом в отношении невключаемых и/или сопротивляющихся социальных, региональных и этнических сегментов (Mann 2005). Геополитическое «окно возможностей» для формирования гомогенных проектов нации-государства в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) открывалось после первой мировой войны (классическим примером является создание национальных государств на территории бывшей Австро-Венгерской империи), потом после второй мировой (например, со сдвижкой польских границ в западном направлении, что потребовало высылки немецкого населения и перевоссоздания истории этих территорий как исконных польских земель), что, в конечном итоге, привело к возникновению таких однородных наций-государств, как Польша, Венгрия, с одной стороны, и (по этим же геополитическим причинам) успешное сохранение таких гетерогенных государств, как Югославия, Чехословакия, Румыния – с другой. Распад социалистической системы открыл возможность для военно-силового «национально-государственного» переконфигурирования дуги нестабильности на Балканах и Закавказье (балканские и кавказские войны 1990-ых годов), а также реализации проектов нации-государства в Чехии, Словакии и странах Прибалтики [8]. Однако, по тем же самым геополитическим (и военно-политическим) причинам политика построения унитарной нации-государства не смогла реализоваться в гетерогенных новых государствах ЦВЕ – Украине, Беларуси и Молдове, где ее осуществление требовало раскола государства по линиям социокультурных размежеваний и неизбежного военного вмешательства соседних Great Powers (как это произошло в случае Молдовы/Приднестровья). В условиях нынешней международной системы и тех ограничений, которые она накладывает на внутреннюю политику государств – в виде как *soft*, так и *hard power*, – реализация унитарной «французской модели» нации-государства в чистом виде, как показывает А. Степан, без тех или иных элементов политики государства-нации, в Украине практически невозможно.

Таким образом, концепция государства-нации как элемента украинского республиканского проекта ставит серьезные вызовы перед отечественной политической и интеллектуальной элитой, заставляет пересмотреть устоявшиеся, кажущиеся привычными представления. Секрет «республики» как формы политики заключается в том, что она возникает не вокруг общего исторического прошлого, а вокруг видения общего будущего. Об этом очень четко и ясно писал более 80 лет назад в работе «Восстание масс» выдающийся испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет. Национальное государство, по его мнению, отнюдь не является и не возникает на основе «общности исторического происхождения, языка и территории проживания»,

скорее, оно есть трансценденция этих принципов, когда «люди, не объединенные родственными связями, вынуждены существовать вместе» (Ортега-и-Гассет 1991: 196 и далее) [9]. По его мнению, «нам не остается ничего другого, как раз и навсегда развенчать ложное представление о национальном Государстве и приучить себя к мысли, что на самом деле эти три причины, которые, казалось бы, лежат в основе образования Государства, являются не чем иным, как самым большим препятствием, которые пришлось преодолеть в своем развитии идее государственного единства» (Там же: 204). Напротив, утверждает Х. Ортега-и-Гассет, национальное государство «это абсолютно новая общность людей, в трудах сегодняшнего дня выходящих свое будущее. В Государство нас объединяет не то, чем мы были вчера, а то, что мы будем строить совместными усилиями завтра» (Там же: 207) [10].

Конституционный транзит в условиях государства-нации

Теперь я хотел бы попробовать обрисовать проблемы нынешней Конституции, и выяснить, заключаются ли они в конституционно-юридических факторах, или они скорее, обусловлены инверсионной динамикой политического развития? Мне кажется, что в условиях государства-нации, а не нации-государства, не могут эффективно работать механизмы классической демократии мажоритарного типа (как в парламентской версии, так и в версии чистого президентализма). Почему? Потому, что оно в условиях множества социальных размежеваний предполагает возникновение многосегментного общества, где нет единого разделения, как в Европе, на правых и левых, которые поочередно сменяются у власти. Правые снижают налоги и сворачивают государственные программы, а левые повышают налоги и расширяют вмешательство государства – так эта система работала в послевоенный период.

Украина имеет дополнительное количество социальных размежеваний именно потому, что она не классическая нация-государство, а государство-нация, состоящая из нескольких социокультурных частей, ранее входивших в состав различных имперских проектов. Эта многомерность означает затрудненность коалиционирования и, в конечном итоге, невозможность демократического определения победителя, т.к. победители и побежденные завоевывают примерно равное количество голосов и возникает ситуация конституционного тупика и/или политического пата. Выход состоит в обращении основных игроков к параконституционным практикам. Если мы посмотрим на решающие моменты современной политической истории Украины, то увидим, что политическая машина начинала работать только тогда, когда происходил отказ от формальных конституционных норм, начиная с принятия Конституции 1996 г., переголосования второго тура президентских выборов 2004 г. и формирования правящей коалиции после президентских выборов 2010 г. Т.е. только после отказа от формальных конституционных правил (в рамках которых принятие решений невозможно) политическая система начинает работать. Должны ли мы смириться с такой ее особенностью, и, при пробуксовке, периодически к ней прибегать, или мы можем попытаться изменить ее в сторону большей действенности? Здесь большую роль играет конституционный транзит и институ-

циональный дизайн политической системы, работающий не на продуцирование конституционных тупиков, а на их разрешение и предотвращение.

Является ли это уникальной украинской особенностью, или есть определенные исторические параллели? В действительности, Европа также так или иначе испытывала подобные проблемы. В конечном итоге эти противоречия, которые были свойственны многим европейским парламентским демократиям, особенно в межвоенный период в 1920-1930 гг. и послевоенного восстановления 1950-1960 гг. (напр., «режим ассамблеи» III Республики во Франции или домуссолиниевская Италия, или «режим партий»/партократия IV Республики во Франции или послевоенной Италии до 1993 г.), были разрешены за счет поиска оригинальных конституционных решений в самой форме правления и/или отхода от «чистой» пропорциональности в пользу менее пропорциональных избирательных систем, которые позволяют четче определить победителя и снижают количество коалиционных партнеров.

Здесь следует, прежде всего, указать переход от пропорциональных избирательных систем в пользу различных вариантов смешанной системы (как это произошло, например, в Германии, где пропорциональная часть соединена с мажоритарной, или Италии в 1990-е гг.), или двухтуровой системы выборов (Франция). Второй путь – это усиление полномочий главы государства, создание конституционных гибридов, например, повышение роли президента (Франция, Финляндия) или президенциализации поста премьера (Великобритания, Германия, Италия). Классическим примером является конституционное экспериментирование Ш. де Голля во Франции – создание полупрезидентской V Республики, которая состоит из двух моторов: всенародно избираемого президента и парламента. Когда президент обладает большинством в ассамблее, система работает как президентская, когда не обладает – как парламентская. Третий путь – развитие бикамерализма и/или серьезное расширение прав регионов (Германия, Испания, Италия, Франция). Бикамеральная структура парламента позволяет уравновесить нестабильность нижней палаты, учесть многообразие региональных интересов и «равным» образом представлять большие и малые социетальные единицы (за счет различных способов избрания). Все данные решения так или иначе модифицируют, т.е. снижают пропорциональность результатов, но создают возможность четкого определения победителя и формирования правящего кабинета.

Здесь я хотел бы обратиться к отказу от «конституционного фетишизма». В действительности речь идет об изменении «правил игры» в способах принятия политических решений институциональными вето-игроками. Если мы будем рассуждать последовательно, то, в конечном итоге, что есть президентская структура? Президентская структура есть вторая палата парламента, только численность этой палаты равняется единице, а порядок взаимоотношений строится на асимметрии полномочий и неконгруэнтности формирования, которые варьируются в различных системах. Более того, в некоторых скандинавских государствах после парламентских выборов парламента делился на две части: верхнюю палату и нижнюю палату. Когда мы имели смешанную систему и имели два типа депутатов (одни избирались по партийным спискам, а другие – мажоритарным образом), фактически был сим-

метричный неконгруэнтный квази-бикамерализм, т.к. полномочия депутатов обоих типов были одинаковыми, а способ избрания – разным. Если мы сделаем этот статус неодинаковым с помощью институционального разведения их полномочий, мы получим вариант бикамеральной структуры. Речь идет о конституционном инжиниринге и продуцировании новых институциональных правил взаимодействия вето-игроков, где нижняя палата могла бы избираться пропорциональным образом, верхняя – относительным большинством в одномандатных округах, третья (президентская) – относительным большинством в два тура.

В любом случае, с бикамерализмом или без, нижняя палата должна избираться не по общенациональному списку, а по региональным спискам (это дает снижение пропорциональности, т.к. места распределяются не среди большого числа депутатов, а в рамках 10-30 человек) и/или смешанной системе с многомандатными округами. Это способствовало бы разрешению многих проблем, в частности, 1) позволило бы за счет снижения пропорциональности четче определять победителя и/или победившую коалицию, 2) усилило бы взаимосвязь депутата с избирателем, 3) за счет «механического» эффекта избирательной системы повышало бы действительный избирательный порог до 7-15%, что способствовало бы формированию стабильной партийной системы из нескольких крупных партий.

Таким образом, мне представляется, что в условиях инверсионного транзита и невозможности классического построения нации-государства, неизбежным является конституционное экспериментирование – поиск разрешения противоречий, заложенных, в том числе, Конституцией как варианта 1996 г., так и варианта 2004 г. И в том, и в другом случае речь идет о смягчении негативных черт полупрезидентциализма, особенно заметных в условиях слабой партийной системы. Только в случае Конституции Кучмы мы имели суперпрезидентскую республику, а в случае 2004 г. премьер-президентскую республику. Фактически речь идет об определенном маятникообразном движении, когда интересы политических элит и крупных политических инвесторов состоят в снижении стоимости президентского приза и более кооперативном разделе выигрышей. Система от суперпрезидентской модели движется к премьер-президентской, когда возникает две конкурирующие вертикали. Потом начинается обратное движение в сторону суперпрезидентской республики. В этом маятникообразном движении и заключается суть нынешнего политического момента, когда после реставрации Конституции 1996 г. в 2010 г. началось обратное движение маятника в сторону суперпрезидентциализма.

Таковы некоторые размышления по поводу дилемм современного конституционного транзита Украины, которые могут стать отправной точкой для дальнейших дискуссий, высказываний как «за», так и «против», т.к. мы пытаемся найти новые варианты решения проблем, выйти за рамки того, что уже предлагалось. Для этого необходимо переосмысление не только конституционно-юридического формата *per se*, но и, прежде всего, общего политического контекста развития нашего государства, его целей и задач, т.к. только именно это позволит «высветить» правильную историческую перспективу и уйти от неработающих формул и «мертвых» теоретических схем, которые показали свою неэффективность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр., перевод Дж. Агамбена в данном выпуске альманаха.
2. Более подр. о неопатримониальной интерпретации постсоветских трансформаций см.: Фисун 2006; 2010.
3. О терминологических нюансах «политии», «республики», «государства» см. мои комм. к переводу Альтузия в данном выпуске альманаха.
4. См. более подр. перевод статьи А. Степана в данном выпуске альманаха.
5. Данное направление изучения процессов европейского *state-building* представлено трудами Ч. Тилли, С. Роккана, Р. Коллинза, И. Валлерстайна, М. Манна, которые подчеркнули значение геопространственной (геоэкономической, военно-политической) организации Европейского континента и ее определяющее влияние на формирование той или иной траектории национального строительства (см., напр.: Rokkan 1999; Rokkan 2005; Тилли 2009).
6. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет, «Современные филологи (так я называю тех, кто сами себя именуют ‘историками’) несут восхитительную чушь, когда утверждают, что те западные нации, которые сформировались совсем недавно, два, три века назад, существуют давным-давно, утверждая, что Верцингеториг или же Сид-Воитель стремились к созданию единой Франции от Сент-Мало до Страсбурга или Spania от Финистерр до Гибралтара...Пытаясь объяснить нам, как образовались Франция и Испания, ‘историки’ исходят из предположения того, что единая Франция и единая Испания уже обитали где-то в глубине души французов и испанцев. Как будто бы были французы и испанцы еще до появления Франции и Испании!» (Ортега-и-Гассет 1991: 199).
7. Целый набор возможных нереализованных вариантов территориальных государств можно гипотетически вообразить в эпоху начала Нового времени и для территории современной Украины («Великая Сарматия», «Черкесия», «Скифия»). Однако не будем углубляться далеко. Представим себе, в духе популярной ныне альтернативной истории, что в силу ряда обстоятельств в ходе Гражданской войны 1917-1922 гг. Украине, как и антибольшевистской коалиции «великих держав», способствовал бы военный успех, и после войны Советская Россия потеряла бы не только Финляндию, Прибалтику, Польшу, но и Украину, Закавказье, а также Юг России. Границы Украины (в силу благоприятных международных соглашений и противоречий внутри самих «великих держав») могли бы гипотетически включать в свои пределы части Центрально-Черноземного и/или Северокавказского региона, напр. Кубань (как в этот же период послевоенная Польша включила значительную часть территорий на востоке, Румыния получила Трансильванию, возникли Чехо-Словакия и Югославия, шел спор о границах Турции, Армении и т.д.). Или противоположный вариант развития событий – независимая («буржуазная») Украина возникает, но без территории Донецко-Криворожской республики, которая вливается в состав послевоенной Советской России (и навсегда растворяется в ней без всяких намеков на автономию или независимый республиканский статус, в отличие напр., от Крыма). Как бы тогда бы шли процессы формирования национальной идентичности в Украине и России, какие территории были бы «исконными» или «не исконными» и как бы писалась в этом случае их история?
8. Более подр. о причинах различия траекторий национально-государственного развития в Центрально-Восточной Европе см. перевод статьи В. Банс в данном выпуске альманаха. Со своей стороны отмечу, что новые нации-государства в ЦВЕ оказываются возможными лишь при существовании государственности в межвоенный и/или военный период.
9. Ортега-и-Гассет пишет: «Почти никогда или уж очень редко бывало так, чтобы *Государство* возникало на основе общности кровных связей или общего языка. Испания является

сегодня Государством испанской нации совсем не *потому*, что на всей ее территории говорят по-испански...Мы будем ближе к действительности, если, учитывая всю сложность реальной исторической ситуации, выдвинем такое предположение: любому лингвистическому единству, характеризующему народ, проживающий на определенной территории, как правило, предшествует какой-либо вид объединения по политическому принципу. Государство всегда было великим переводчиком-полиглотом. Такой вывод напрашивается давно, и тем более странна настойчивость, с которой нас продолжают убеждать в том, что основным и признаками нации являются кровные узы и язык» (Ортега-и-Гассет 1991: 201).

10. Ортега-и-Гассет отмечает, что «Испанский народ обладает общим прошлым, общими предками и общим языком с народами Центральной и Южной Америки, и тем не менее эти народы не входят в состав испанской нации. Почему? А потому, что, по всей видимости, нет самого главного, а именно нет общего будущего. Испания не смогла предложить такой программы совместного построения будущего, которая могла бы привлечь к сотрудничеству этих близких нам с зоологической точки зрения людей...Поэтому нас и не смогли спасти ни архивные материалы, ни память об общем прошлом, ни общие предки, ни так называемая ‘любовь к родине’» (Ортега-и-Гассет 1991: 211-212)

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. (2006). “Существует ли в действительности Индия?” *Логос*. №5(56): 3-8.
2. Ортега-и-Гассет Х. (1991). «Дегуманизация искусства» и другие работы. *Эссе о литературе и искусстве*. Сборник. М.: Радуга.
3. Роккан С. (2005). “Измерения процессов формирования государства и создания нации: возможная парадигма для исследования вариаций в пределах Европы,” *Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Вып. 3. Харьков: Константа: 182-217.
4. Тилли Ч. (2009). *Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг.* М.: Территория будущего.
5. Фисун А.А. (2006). *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков: Константа.
6. Фисун А.А. (2010). “К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация,” *Политическая концептология*. № 4: 158-187.
7. Устрялов Н.В. (2000). “Элементы государства,” *Политическая наука*. № 2: 76-117.
8. Huntington S.P. (1984). “Will More Countries Become Democratic?” *Political Science Quarterly*. Vol. 99(2): 193-218.
9. Mann M. (2005). *The Dark-Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Rokkan S. (1999). *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
11. Stepan A. (2008). “Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a ‘State-Nation’ Model as Well as a ‘Nation-State’ Model?” *Government and Opposition*, Vol. 43(1):1-25.
12. Stepan A., Linz J., Yadav Y. (2010). “The Rise of “State-Nations,” *Journal of Democracy*. Vol. 21(3): 50-68.